

ЛОПАТЮК Максим Владимирович

**СИТУАТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ В РОМАНЕ
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»
И В ЕГО ИСПАНОЯЗЫЧНОМ ПЕРЕВОДЕ
(функционально-семантический анализ)**

10.02.01 – русский язык

10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Калининград

2009

Работа выполнена в Российском государственном университете им. И. Канта.

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор
Ваулина Светлана Сергеевна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор
Гехтляр Светлана Яковлевна
(Брянский государственный университет)

кандидат филологических наук, доцент
Островерхая Ирина Владимировна
(РГУ им. И. Канта, Калининград)

Ведущая организация:

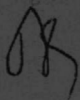
Уральский государственный университет

Защита состоится 21 сентября 2009 г. в 16:00 на заседании диссертационного совета К 212.084.04 при Российском государственном университете им. И. Канта (236000, г. Калининград, ул. Чернышевского, 56, факультет филологии и журналистики, ауд. 231).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Российского государственного университета имени Иммануила Канта

Автореферат разослан 18 августа 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000642027

О.Л. Кочеткова

Реферируемая диссертация посвящена исследованию одного из структурно-содержательных фрагментов функционально-семантической модальности – ситуативной модальности – в русском и испанском языках на материале романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и его испаноязычного перевода.

Наш выбор **темы** диссертационного исследования обусловлен рядом причин, которые можно свести к двум основным.

1. Категория модальности, относясь к числу семантических категорий, формирующих предикативную ось предложения, обеспечивающих его «живой контакт с внеязыковой действительностью» (Кацнельсон 1972: 141) и создающих коммуникативную перспективу высказывания, в течение многих лет является объектом устойчивого и активного интереса как в отечественном, так и в зарубежном языкознании (В.В. Виноградов, Ш. Балли, Л. Дюрович, В.Г. Адмони, Р. Мразек, Д. Ритель, В.Г. Гак, Г.В. Колшанский, А.В. Бондарко, Ф. Палмер, А. Вежбицкая, Г.А. Золотова, П.А. Лекант, Т.Б. Алисова, Т.И. Дешерисва, Л.С. Ермолаева, Т.В. Шмелева, Е.И. Беляева, С.Я. Гехтляр, С.С. Ваулина, Н.Ю. Павловская, М.В. Ляпон, В.З. Панфилов, А.А. Мецлер, З.Я. Тураева, О.В. Трунова, Б.В. Хрычиков, Г.П. Немец, П.А. Эслон, З.Л. Новоженнова, А.В. Зеленников, Дж. Лайонз, Р. Лангакер, Ф.Р. Палмер, А. Килис, М. Кабрера, М. Эскева, Ф. Нуньез, М. Секо и многие другие). Благодаря усилиям этих ученых и других специалистов в области модальности были определены основные понятия, связанные с установлением семантического объема и грамматического статуса данной категории, а также описаны основные средства ее выражения в языке.

Вместе с тем функциональный подход, прочно утвердившийся в современном языкознании и направленный на выявление «основной и глобальной функции языка – выражения мышления в процессе коммуникации» (Колшанский 1977: 99), открыл новые научные перспективы, непосредственно связанные со «специальной разработкой динамического аспекта функционирования грамматических единиц и категорий во взаимодействии с элементами разных уровней языка, участвующими в выражении смысла высказывания» (Бондарко 1984: 89). В фокусе внимания современной лингвистики оказался человеческий фактор, потребовавший в свою очередь корректировки традиционных взглядов на различные языковые явления, в том числе и на модальность. «Моделирование процесса порождения и восприятия речи, — отмечает З.Я. Тураева, — связано с модальностью. Этим объясняется возросший интерес к изучению модальности, в

основе которого лежит рассмотрение языка как средства социального взаимодействия, как социокультурного феномена» (Тураева 1994: 114).

Изучение языковых явлений на функциональной основе обусловило активизацию внимания специалистов к модальности текста. При этом, опираясь на общепринятое понимание текста как важнейшего средства изучения языка и не подвергая сомнению его традиционные концепции, согласно которым «текст есть информация, отчужденная от своего носителя и зафиксированная в виде последовательности высказываний, объединенных смысловой связью» (Hartmann 1972: 2), исследователи все чаще обращаются к концепциям текста, в соответствии с которыми на первый план выдвигается его каузирующее начало и текст воспринимается как продукт активной речевой деятельности человека (Бахтин 1979: 246; Арутюнова 1981: 359; Бондарко 2001: 3 – 14). В плане сказанного принципиально важным представляется положение о том, что одним из основных направлений исследования в функциональной грамматике является «рассмотрение актуализационных категорий высказывания в их отношении к актуализационным признакам целостного текста» (Бондарко 2001: 6). Таким образом, исследование категории модальности является важным элементом функционального анализа текста.

Последовательная антропоцентрическая направленность современных лингвистических исследований закономерно вызвала интерес специалистов в первую очередь модальности художественного текста, что нашло отражение в целом ряде статей, а также в монографических и диссертационных исследованиях (Солганик 1984; Сергунина 1990; Вихрян 1990; Попова 1996; Федоровская 1997; Мухтаруллиная 1997; Мещеряков 2001; Базалина 2000; Ермакова 2003; Трофимова 2004; Островерхая 2004; Алимпиева 2008; Бабенко 2009; и др.).

Этот факт отнюдь не случаен, поскольку «антропоцентрический по своей природе, язык со всеми его национально-специфическими чертами поступает в ведение писателя, который выстраивает из него художественный текст» (Арутюнова 1995: 32.), а «художественный текст, являясь искусственно организованной структурой, материализованным фрагментом специфической этносоциологической и национальной культуры этноса, передает определенную картину мира и обладает высокой силой социального воздействия» (Базалина 2000: 75).

2. Модальность, являясь семантической (понятийной) категорией, «присущей всем языкам и свойственной одновременно и языку и мышлению» (Шалютин 1980: 7), принадлежит к числу универсальных категорий, «в разных формах обнаруживающихся в языках разных систем» (Виноградов 1950: 43). Поэтому ис-

следование данной категории на материале не одного, а двух или нескольких языков, органично вписывающееся в перспективные для современной науки «комплексные интегральные подходы к изучению языковых систем» (Володина 2007: 545), позволяет «обнаружить такие закономерности и особенности в системе сопоставляемых языков, которые остаются скрытыми при их внутреннем изучении» (Бессарабова 1995: 75) и способствует тем самым выявлению как универсальных типологических экспликаторов категории модальности, так и идеознических (национально-специфических) особенностей, характеризующих конкретную языковую картину мира (Рычкова: 2005).

При этом следует отметить, что рассмотрение различных фрагментов модальности в сопоставительном аспекте проводится в основном на материале славянских и германских языков (см., например: Đurović 1956; Ермоласва 1978; Rytel 1982; Беляева 1985; Москалева 1988; Рыболовлев 1989; Нечай 1999; Попова 2000; Hansen 2001; Базалина 2001; Демидова 2005; Шлык 2006 и др.). Исследования же, выполненные на материале русского и романских языков (в том числе интересующего нас испанского языка) единичны. Кроме того, все они в соответствии с конкретными исследовательскими задачами характеризуются узкой направленностью в исследовании интересующей нас категории: предметом анализа в них являются или отдельные модальные значения (см., например: Будильцева 1984; Титов 1988), отдельные лексические экспликаторы определенных модальных значений, реализующихся в грамматической системе русского и испанского языков (Воркачев 1991; Виноградов 2001; Попова 2007), или межкатегориальные связи модальности (Степаненко 2009). Поэтому более широкое изучение модальности на материале указанных языков представляется важным как с научной точки зрения, так и с прагматической, обусловленной возросшей роли испанского языка в различных сферах современной международной жизни.

Вышесказанным определяется **актуальность** данного диссертационного сочинения, **объектом** которого послужила функционально-семантическая категория модальности, а непосредственным **предметом** анализа явилось исследование особенностей функционирования одного из важнейших содержательно-структурных компонентов данной категории – ситуативной модальности – в русском и испанском языках, выполненное на материале оригинального и переводного текста романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

Цель данной диссертационной работы – рассмотрение функционально-семантического поля ситуативной модальности, реализующейся в рамках мик-

рополой возможности, желательности и необходимости в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и в его испаноязычном переводе.

На достижение вышеуказанной цели исследования направлено решение ряда конкретных задач, в числе которых:

- охарактеризовать план содержания микрополей ситуативной модальности;
- выявить план выражения микрополей ситуативной модальности;
- провести функционально-семантический анализ эксплицитных и имплицитных способов выражения рассматриваемых модальных значений;
- установить типологические признаки средств выражения рассматриваемых модальных значений в исследуемых языках и выявить их внутриязыковую специфику;
- определить особенности функционирования средств выражения рассматриваемых модальных значений в условиях художественного текста.

Цель и задачи диссертационного исследования определили выбор комплексной методики анализа, включающей метод дифференциации, основанный на учете соотношения «язык – мышление – действительность» (Гайсина 1981: 14), методы описательного, контекстуального, функционально-семантического, сопоставительного анализа, прием трансформации, метод количественных подсчетов. Кроме того, в процессе анализа широко привлекались данные толковых и двуязычных словарей русского и испанского языков.

Теоретической базой исследования послужили положения, разработанные в теории понятийных категорий (Есперсен 1968; Мещанинов 1945; Потенба 1958); в теории функциональной и коммуникативной грамматики (Бондарко 1983, 1984; Гак 1985; Золотова 1982; 2004; Зененко 1981; Ваулина 1988 и др.); в теории взаимодействия уровней языка (Щерба 1972; Бенвенист 1974; Jakobson 1972; Lenz 1944 и др.).

Материалом для анализа послужили 4500 предложений-высказываний со средствами выражения ситуативной модальности (значений возможности, необходимости и желательности), извлеченных методом сплошной выборки из оригинального текста романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и из его испаноязычного перевода.

Выбор данного произведения отнюдь не случаен. Ф.М. Достоевский принадлежит к числу крупнейших и талантливейших русских писателей второй половины XIX века, в произведениях которого поднимались глубинные проблемы социально-общественного и духовно-нравственного характера. «Гениальность Достоевского, – писал в свое время А.М. Горький, – неоспорима, по силе изобра-

зительности его талант равен, может быть, только Шекспиру» (Горький, 1934: 11) Не случайно творчество его являлось и является объектом активного внимания филологов (Фридлендер 1964, 1979; Бурсов 1979; Карпотин 1980; Бахтин 1994; Мочульский 1995; Караулов <http://rus.1september.ru> и др.). Написанный в 1866 году, роман писателя «Преступление и наказание» – первый из пяти больших романов, принесших писателю мировую славу, до сих пор остается самой читаемой в мире книгой и переведен на многие языки мира. Этот роман, как считают специалисты, принадлежит к числу тех великих произведений мировой литературы, ценность которых со временем не умалется, но возрастает для каждого следующего поколения.

Из существующих испанских переводов данного романа для анализа мы выбрали перевод Хуана Лопес-Морильяса (Juan López-Morillas). Наш выбор обоснован тем фактом, что этот перевод выполнен непосредственно с русского языка на испанский и переиздавался 13 раз в течение 21 года (с 1985 по 2006 гг.). Остальные переводы, осуществленные другими переводчиками, такого количества переизданий не имеют. Этот факт дает нам право утверждать, что перевод, выполненный Хуаном Лопес-Морильясом, наиболее адекватный и точный.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней впервые проведен функционально-семантический анализ ситуативной модальности в русском и испанском языках на материале художественного текста.

Теоретическая значимость диссертации определяется функциональным подходом к пониманию содержательной природы модальности, являющимся теоретической базой для комплексного рассмотрения разноуровневых языковых средств выражения значений ее структурно-содержательного фрагмента – ситуативной модальности, что в свою очередь создает условия для установления их функциональной иерархии в рассматриваемых модальных микрополях и, шире, – в структуре функционально-семантической категории модальности в целом, а также позволяет выявить типологические, универсальные средства выражения ситуативной модальности и внутриязыковые особенности, отражающие этнокультурную специфику русского и испанского языков. Полученные данные о функционировании ситуативной модальности в текстовой системе русского и испанского языков позволяют расширить современные представления в этой сфере и стимулируют дальнейшие исследования в функциональном направлении.

Практическая значимость диссертации заключается в возможности использования ее основных положений, материалов и выводов в вузовских курсах

по функциональной и коммуникативной грамматике русского и испанского языков, в спецкурсах, посвященных проблемам языковой и текстовой модальности, в практике преподавания русского языка в испаноязычной аудитории и испанского языка в русской аудитории, а также в переводческой практике.

Апробация работы. Материалы диссертационного исследования обсуждались на кафедре истории русского языка и сравнительного языкознания РГУ им. И. Канта, докладывались на ежегодных научных семинарах аспирантов РГУ им. И. Канта (2006 – 2008 гг.), на международных научных конференциях «Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению» (Калининград, 25 – 27 октября 2007 г.), «Языковая семантика и образ мира» (г. Казань, 20 – 22 мая 2008 г.); на межвузовской научной конференции «Актуальные проблемы германистики и романистики» (Смоленск, 9 – 10 октября 2008 г.), а также представлены в шести публикациях автора.

Поставленные в диссертации цель и задачи определяют **структуру** работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии, содержащей список использованной научной литературы, словарей, энциклопедических изданий, указатель источников, а также 8 приложений, содержащих статистические данные и иллюстрирующих результаты исследования.

В соответствии с поставленной целью в качестве **основных положений**, определяющих научную новизну и теоретическую значимость диссертационной работы, на защиту выносятся следующие:

1. Ситуативная модальность, реализующаяся в рамках трех микрополей – микрополей возможности, желательности и необходимости, – является важным структурно-содержательным компонентом функционально-семантической категории модальности.

2. План содержания ситуативной модальности отличается полифункциональностью, которая заключается в наличии пропозициональной (номинативной) функции, реализующейся на уровне языка в рамках высказывания, коммуникативной (прагматической) функции, направленной на выявление целевой установки речи, а также субъективно-оценочной функции, раскрывающейся на уровне текста.

3. План выражения микрополей ситуативной модальности в русском и испанском языках имеет типологическую основу, обусловленную универсальным характером функционально-семантической категории модальности и генетическим родством рассматриваемых языков.

4. План выражения ситуативной модальности в оригинальном тексте романа «Преступление и наказание» и в тексте его испанского перевода представлен системой разноуровневых средств, имеющих ядерно-периферийную организацию. При этом ядерную, центральную зону и значительную часть периферии в рассматриваемых микрополях занимают лексические модификаторы (модальные глаголы и предикативы), функционирующие в составе специализированных сочетаний с зависимым субъектным инфинитивом. Однако в целом ряде случаев значения ситуативной модальности актуализируются с помощью имплицитных средств (различных типов грамматического контекста), занимающих в анализируемых микрополях периферийное положение.

5. Типологическая основа микрополей ситуативной модальности не исключает наличия внутриязыковых особенностей в выражении ее составных значений, обусловленных в первую очередь особенностями исторического развития грамматического строя и семантической системы рассматриваемых языков. К числу таких особенностей относится количественное различие в наборе периферийных экспликаторов значений ситуативной модальности, а также более широкое функционирование в русском языке, чем в испанском, имплицитных (невербальных) средств, способных актуализировать модальную семантику ситуации.

6. Участвуя наряду с объективной модальностью в формировании номинативного аспекта предложения (высказывания), ситуативная модальность при функционировании в художественном тексте теряет свою последовательную объективную направленность и приобретает субъективно-оценочный характер, что весьма отчетливо прослеживается как в русском тексте романа «Преступление и наказание», так и в тексте его испанского перевода.

7. Важным отличительным признаком ситуативной модальности является проницаемость ее микрополей, диффузность их границ, что достаточно наглядно проявляется в случаях совмещения отдельных значений ситуативной модальности и средств их выражения как в русском, так в переводном тексте рассматриваемого романа.

Поставленные в диссертации цель и задачи определяют **структуру** работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии, содержащей список использованной научной литературы, словарей, энциклопедических изданий, указатель источников, а также включает 4 приложения, содержащих статистические данные и иллюстрирующих результаты исследования.

Содержание работы

Во **введении** обосновывается выбор темы диссертации, ее актуальность, определяются объект, предмет, цель и задачи исследования, содержится характеристика фактического материала и методов его анализа, раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, формулируются положения, выносимые на защиту.

В **первой главе «Теоретические предпосылки исследования»**, состоящей из 5 параграфов, обсуждается ряд дискуссионных теоретических вопросов, имеющих непосредственное отношение к исследуемой в работе проблеме, а также формулируются исходные теоретические позиции автора.

В **первом параграфе** приводятся основные концепции языковой модальности, излагается позиция автора работы, который в своем понимании модальности солидаризируется с учеными, рассматривающими данную категорию на основе функционального подхода к анализу языковых фактов (А.В. Бондарко, Г.А. Золотова, Е.И. Беляева, С.С. Ваулина, С.Я. Гехтляр, П.А. Эслон, Н.Ю. Павловская, Т.В. Шмелева, З.Л. Новоженова, А.В. Зеленщиков, И.Ю. Кукса, И.Р. Федорова, О.Л. Кочеткова, И.В. Островерхая и др.), и квалифицирующими модальность как функционально-семантическую категорию, имеющую многослойный содержательный объем и широкий набор средств и способов ее выражения, организованных по полемому принципу.

Ядерную часть данной категории составляет объективная модальность, выражающая отношение содержания высказывания к внеязыковой действительности в плане его реальности / ирреальности с точки зрения говорящего. Этот вид модальности участвует в формировании пропозиции, входит в содержание внутренней модальной рамки, отражая через тип отношений между предикатом и его актантами отношение между частями описываемой ситуации.

Ситуативная модальность, составляющая периферию функционально-семантической категории модальности, выступает как мотиватор номинируемого в высказывании события (ситуации) и образует «семантический х», который осложняет и одновременно «расшифровывает» объективную модальность, указывая на способ существования события (ситуации) с точки зрения его действительности, возможности, необходимости или желательности.

Во **втором параграфе** обсуждается вопрос о текстовой функции модальности. Являясь языковой категорией, модальность одновременно относится к категориям, определяющим семантику и высказывания, и текста в целом, т.е. выполняющим текстообразующую функцию (И.Р. Гальперин, В.А. Кухаренко, А.В.

Бондарко, М.В. Ляпон, Г.Я. Солганик, Н.С. Валгина, Е.А. Попова, И.В. Островерхая, Л.Г. Бабенко, С.С. Ваулина, И.А. Трофимова и др.). Рассматривая вопрос о модальности как текстовой категории, мы опираемся на те концепции текста, согласно которым на первый план выдвигается его каузирующее начало и текст воспринимается как продукт активной речевой деятельности человека (Бахтин 1979: 246; Арутюнова 1981: 359; Бондарко: 2001: 3 – 14). В контексте обсуждения вопроса о текстовой модальности рассматривается проблема соотношения объективной и субъективной модальности, традиционно выделяемых в научной литературе применительно к языковой модальности. Применительно же к модальности текста ситуация выглядит сложнее: «стройность и четкость дифференциации модальных значений утрачивается, размываются их границы, наблюдается их пересеканность и взаимодействия» (Бабенко 2009: 134). Данный факт обуславливает различие мнений относительно соотношения объективного и субъективного в тексте (И.Р. Гальперин, Т.А. Сергунина, Л.Г. Бабенко и др.).

Весьма плодотворной представляется точка зрения Л.Г. Бабенко, усматривающей специфику содержания объективной модальности в том, что «это всегда уникальный вариант интерпретации действительности с точки зрения автора текста, представляющий собой индивидуально-авторскую картину мира» (Бабенко 2009: 134). Заслуживает внимания и позиция ученого относительно приоритетных модальных значений в тексте, согласно которой «... иерархия значимости разных модальных компонентов в тексте иная, чем в языке: в нем именно субъектно-оценочная модальность является основой концептуального пространства текста, ибо она представляет собой мнение автора о мире, в основе которого всегда лежит познавательная оценка» (Бабенко: 134 – 135). А это означает, что и значения объективной модальности, в том числе значения интересующей нас ситуативной модальности при их реализации в тексте приобретают оценочную функцию, выступая в роли экспликаторов аксиологических категорий и понятий. Данный факт находит убедительное подтверждение в ряде последних работ (см., например, Трофимова 2004; Островерхая 2004; Ваулина 2006; Дронова 2006; Степаненко 2008; Алимпиева 2009; Бабенко 2009).

Третий параграф посвящен проблематике сопоставительных исследований.

«Для сравнения языков, – отмечает А. Вежицкая, – нам необходимо основание, которое может быть обеспечено исключительно значением» (Вежицкая 1999: 51). Такое положение вещей «обуславливает необходимость поиска модели языка, в которой, частности, нашла бы объяснение возможность существования различных синтаксических языковых типов» (Кибрик 2001: 183). В качестве

основания создания подобной модели лингвистами предлагается обращение к таким универсальным семантическим сущностям, которые являются построением «базисных синтаксических структур» (Чернышев 2007: 791). В числе таких универсальных семантических сущностей, безусловно, находится категория модальности, значения которой и средства их выражения являются важным источником для проведения сопоставительных исследований.

Проблема различий и сходств между языками связана с вопросом о межъязыковой эквивалентности. Понятием эквивалентности в сопоставительной лингвистике обозначается, как правило, «совпадение единиц в их значениях, закрепленных в системах сопоставляемых языков» (Гладров 1994: 5). Однако «опыт сопоставительных исследований показывает, что тождественность языковых значений обычно не означает полной идентичности, а, напротив, в большинстве случаев наличествует частичная идентичность в значениях сопоставляемых языковых явлений. Безусловно, эта частичная идентичность не вытекает из различий в отражаемой действительности, а основывается на различных возможностях языкового выражения идентичных предметов и ситуаций в сопоставляемых языках» (Ваулина 2004: 201). В любом случае немаловажным представляется тот факт, что релевантными для сопоставительных исследований являются, как правило, только те соответствия, которые можно определить относительно их места в системе конкретного языка, то есть в типизированных условиях с регулярно и обязательно выступающими языковыми средствами (Ярцева 1986).

Сопоставительные исследования проводятся чаще всего на материале двух языков. При этом одним из основных методов анализа (который используется и в нашей работе) является рассмотрение результатов переводческого процесса путем сопоставительного изучения текста перевода, то есть сравнения его с текстом оригинала.

Обсуждению проблем общей теории перевода и особенностей художественного перевода посвящены *четвертый и пятый параграфы*.

Ученые, занимающиеся вопросами теории перевода, по-разному подходят к его определению, сходясь, однако, в том, что перевод это «сложный процесс, в ходе которого приходится заменять системы понятий, а не просто слова одного языка словами другого» (Стрелковский 1979: 39). При этом процесс перевода неизбежно связан с такими понятиями, как адекватность и эквивалентность. Квалификация их с точки зрения сходства и различия в научной литературе является достаточно разнообразной (Рецкер 1974; Гладров 1994; Виноградов 2001; Брандес, Провоторов 2001; Ольшанский 2002; и др.), но в любом случае следует го-

ворить об органической соотнесенности данных понятий, поскольку, как подчеркивает А.Паршин, «адекватный перевод – это перевод, обеспечивающий прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном для достижения этой цели уровне эквивалентности, не допуская нарушения норм и узуса переводимого языка, соблюдая жанрово-стилистические требования к текстам данного типа и соответствия конвенциональной норме перевода» (Паршин 2000: 148).

Применительно к художественному переводу задача усложняется тем, что, как справедливо замечает И. Дашчинска, здесь следует «добиться такого уровня перевода, когда он оказывает адекватное подлиннику эмоциональное воздействие на читателя и содержит ту же семантическую и стилистическую информацию, какую находим в исходном тексте» (Daszczyńska 1982: 13).

При переводе художественного текста все переводческие решения принимаются с учетом узкого контекста и широкого контекста всего произведения. Это касается выбора вариантных соответствий и, конечно же, трансформаций.

Во *второй главе «Функциональные особенности микрополей ситуативной модальности в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и в его испанском переводе*», состоящей из 4 параграфов, содержится функционально-семантический анализ микрополей возможности, необходимости, желательности, а также выявляется специфика соотнесенности эксплицитных и имплицитных способов выражения значений вышеуказанного типа модальности в оригинальном тексте романа и в его испанском переводе.

При проведении соответствующего анализа мы руководствуемся рядом важных положений.

1. «Структура функционально-семантического поля, соотношение его ядерной и периферийной частей, степень грамматичности выражаемой семантики, ее распределение и закрепление за теми или иными языковыми средствами и т.п., – все это обусловлено устройством конкретного языка» (Норман 2001: 13).

2. Предложенная В.И. Шадриным и поддержанная А.В. Бондарко методика применения понятий «категориальная ситуация» и «функционально-семантическое поле» к единицам перевода в двух взаимодействующих языках для выявления и систематизации «на основе общности семантического содержания обозначаемой ситуации, т.е. на основе идентичности денотата» (Шадрин 2001: 356 – 359) различных языковых средств выражения как единицами исходного, так и переводного языков способствует раскрытию национальной специфики соответствующих языковых средств (см. об этом: Таривердиева 1989;

Алексеев 1991; Мухтаруллина 1999; Чуришук 1998).

3. Применение полевого принципа анализа особую значимость имеет при рассмотрении модальности в условиях текста, и в первую очередь художественного, поскольку в плане выражения полевая категория представляет собой некую совокупность единиц различных языковых уровней, объединенных общностью семантики и текстовой функцией, а также способом организации языковых составляющих (Максимова 1993).

Функционально-семантический анализ модальной семантики возможности, необходимости, желательности в оригинальном тексте романа «Преступление и наказание» и в тексте его испанского перевода (*параграфы 1 – 3*) показал, что план содержания их микрополей характеризуется тем же объемом частных значений, которые представлены в соответствующих микрополях на языковом уровне. Однако в условиях художественного текста, отличающегося повышенной антропоцентричностью, наиболее частотную реализацию получают частные значения субъективной возможности и объективно-субъективной необходимости (долженствования). Сказанное не относится к микрополю желательности, план содержания которой характеризуется повышенной «психологичностью» частных значений, что связано, «с одной стороны, со сферой удовлетворения человеческих потребностей, а с другой стороны, со сферой эмоционального переживания этих потребностей» (Пелих 1984: 3).

План выражения рассматриваемых микрополей и в русском, и в переводном тексте рассматриваемого романа представлен широким набором конstituентов, среди которых наиболее частотны лексические модальные модификаторы: глаголы, предикативы и глагольно-именные сочетания.

Микрополе возможности в оригинальном тексте романа «Преступление и наказание» представлено модальными глаголами *мочь, сметь (посметь), осмелиться, уметь*, предикативами *можно, нельзя, невозможно, готов*, глагольно-именными сочетаниями (не) *быть способным, (не) быть в силах, (не) быть в состоянии, (не) иметь возможность, (не) иметь право, основание*. В испанском тексте романа данное микрополе включает модальные глаголы *poder* 'мочь, быть в состоянии сделать что-л.', (также его безличная форма *(no) se puede* 'можно, нельзя сделать что-л.'), *saber* 'знать, уметь, мочь' *atreverse* 'осмелиться, мочь', *caber* 'быть возможным, допустимым' (его безличная форма *(no) cabe* 'можно (нельзя) сделать что-л.'), глагольно-именные сочетания *ser capaz* 'быть способным сделать что-л.', *estar en condición* 'быть в состоянии сделать что-л.',

ser (im)posible 'быть (не)возможным', *estar dispuesto* 'быть готовым сделать что-л.', *tener derecho* 'иметь право сделать что-л.'.

Центральное (ядерное) место в рассматриваемом микрополе занимают глаголы *mочь* и *poder*, характеризующиеся высокой степенью частотности функционирования и реализующие все частные значения возможности.

Значение '(не) быть в состоянии выполнить действие': «Одним словом, милый Родя, письмо это так благородно и трогательно написано, что я рыдала, читая его, и до сих пор *не могу* (= *не в состоянии*. – М.Л.) *читать* его без слез» (с. 38) – «En suma, querido Rodya, la carta estaba escrita en un tono tan noble y patético que me eché a llorar al leerla y aún *no puedo repasarla* sin derramar lágrimas» (р. 57); «Слушай, – поспешил Раскольников, – я пришел только сказать, что ты заклад выиграл и что действительно никто не знает, что с ним может случиться. *Войти же я не могу* (= *не в состоянии*. – М.Л.): я так слаб, что сейчас упаду» (с. 204) – «Escucha – Raskolnikov se apresuró a decir –, vengo sólo para decirte que has ganado la apuesta y que nadie sabe lo que acabará por hacer. *No puedo entrar*; estoy tan débil que me caería redondo» (р. 249).

Значение '(не) иметь способность выполнить действие': «– Это все вздор, – сказал Свидригайлов, намачивая полотенце и прикладывая его к голове, – а я вас одним словом *могу* (= *способен*. – М.Л.) *осадить* и все ваши подозрения в прах уничтожить. Знаете ль вы, например, что я женюсь?» (с. 512) – «– ¡Todo esto es una tontería! – exclamó Svidrigailov, humedeciendo la toalla y aplicándosela a la cabeza –. Con una sola palabra *puedo desconcertarle* y reducir a la nada sus sospechas. ¿Sabe, por ejemplo, que voy a casarme?» (р. 606).

Значение '(не) иметь возможность выполнить действие': «Осторожно отвед он рукою салоп и увидел, что тут стоит стул, а на стуле в уголку сидит старушонка, вся скрючившись и наклонив голову, так что он никак *не мог* (= *не имел возможности*. – М.Л.) *разглядеть* лица, но это была она (с. 296) «Cauteloso, apartó el abrigo con la mano y vio una silla, y en ella, allí en el rincón, sentada a la viejuela, toda encogida y con la cabeza inclinada, por lo que *no pudo verle* la cara. Pero era ella» (р. 356).

Значение '(не) иметь право (основание) для выполнения действия': «– Послушайте, господин Разумихин, вы забылись... – начала было Пульхерия Александровна. – Да, да, вы правы, я забылся, стыжусь! – спохватился Разумихин, но... но... вы *не можете* (= *не вправе*. – М.Л.) на меня *сердиться* за то, что я так говорю! Потому я искренно говорю, а не оттого, что... гм! это было бы подло; одним словом, не оттого, что я в вас...» (с. 216) – «– Oiga, señor Razumihin, usted

olvida... – empezó Pulheria Aleksandrovna. – Sí, sí. Tiene usted razón. Me he sobrepasado y me avergüenzo de ello – Razumihin trató de enmendar lo dicho, pero..., pero... ¡ustedes no pueden enfadarse por lo que digo! Porque hablo con sinceridad y no por....» (p. 265).

При этом особенностью функционирования испанского глагола *poder* является его достаточно широкое употребление в качестве эквивалента периферийных средств выражения возможности в оригинальном тексте романа. Ср.: «А осмелюсь ли, милостивый государь мой, *обратиться* к вам с разговором приличным?» (с. 15) – «¿*Puedo* permitirle, señor mío, *dirigirme* a usted en honesta conversación?» (p. 31); «Я вам дала великое обещание, я ваша невеста; доверьтесь же мне в этом деле, и поверьте, я *в силах буду рассудить* беспристрастно. То, что я беру на себя роль судьи, это такой же сюрприз моему брату, как и вам» (с. 321) – «Le he hecho una importante promesa; soy su prometida. Confíe en mí en este asunto y créame que *puedo juzgarlo* con imparcialidad. Que en él asuma yo el papel de juez es algo que sorprende a mi hermano tanto como a usted» (p. 386);

Микрополе необходимости в оригинальном тексте романа «Преступление и наказание» представлено безличными модальными глаголами *следует, стоит, приходится*; отпричастными прилагательными *должен, обязан, принужден*; предикативными наречиями, *надо, нужно, надобно, необходимо, должно*. В испанском переводе романа – модальными глаголами *deber* ‘быть должным, обязанным сделать что-л.’, *tener que* ‘быть должным сделать что-л.’, *haber que* (в безличной форме *hay que* ‘быть нужным, необходимым сделать что-л.’, *haber de* ‘быть должным, обязанным сделать что-л.’, *obligar* ‘заставлять, принуждать, вынуждать, обязывать сделать что-л.’, безличными формами модальных глаголов *convenir* ‘надо, следует, стоит, подобает сделать что-л.’, *caber* ‘необходимо, нужно сделать что-л.’, *valer* ‘стоит, следует, надо сделать что-л.’ (*conviene, cabe, vale*), модальными предикативами и предикативными сочетаниями *hacer falta* ‘нужно, необходимо сделать что-л.’, *es preciso que* ‘необходимо, нужно сделать что-л.’, *hay necesidad de* ‘надо сделать что-л.’, *estar obligado* ‘быть обязанным сделать что-л.’, *ser obligado* ‘необходимо сделать что-л.’, *ser necesario* ‘нужно, необходимо, надо сделать что-л.’, *ser menester* ‘необходимо сделать что-л.’, *tener necesidad de* ‘иметь, испытывать потребность, нужду в чем-л.’, *verse obligado a* ‘быть вынужденным сделать что-л.’, *tener la obligación de* ‘быть обязанным сделать что-л.’, *sentirse obligado a* ‘быть обязанным сделать что-л.’.

Центр микрополя образуют собственно модальные модификаторы. В русском тексте романа это предикативное наречие *надо* (реже *надобно, нужно*), от-

причастное предикативное прилагательное *должен*; в тексте испанского перевода в качестве их эквивалентов выступают глаголы *deber, tener que, haber que*. Характеризующиеся емкостью модальной семантики и высокой частотностью, они выражают различные частные значения необходимости.

Значение 'быть вынужденным выполнить действие': «Все сердце его первернулось... но – вот уж он и дошел до рокового места... Он довольно бодро вошел во двор. *Надо* было *подняться* в третий этаж. "Покамест еще подымусь", – подумал он» (с. 563) – «El corazón le dio un vuelco..., pero ya había llegado al sitio fatal... Entró en el patio con bastante desenvoltura. *Tenia que subir* al tercer piso. «Subiré en todo caso», se dijo» (p. 666).

Значение 'неизбежности выполнения действия': «А для чего? зачем? – подумал он вдруг, осмыслив свое движение. – Если уж *надо выпить* эту чашу, то не все ли уж равно?» (с. 563) – «¿Y por qué? ¿Para qué?», se le ocurrió de pronto al darse cuenta de su acción. «Si *debo apurar* este cáliz, ¿qué más da?» (p. 666).

Значение 'быть должным (обязанным) выполнить действие': «Просьба ваша, чтобы брата не было при нашем свидании, не исполнена единственно по моему настоянию, – сказала Дуня. – Вы писали, что были братом оскорблены; я думаю, что это *надо* немедленно *разъяснить*, и вы *должны помириться*. И если Родя вас действительно оскорбил, то он *должен и будет просить* у вас извинения» (с. 320) – «Su ruego de que mi hermano no asistiera a nuestra entrevista ha sido desatendido sólo a instancia mía – dijo Dunya –. Usted escribió que mi hermano le había insultado. Yo creo que eso *debe* ser explicado sin demora y que *deben* ustedes *reconciliarse*. Y si Rodya efectivamente le insultó, entonces él *debe pedirle* perdón y lo hará. Piotr Petrovich al momento se envalentonó» (p. 385).

Особенно ярко значение долженствования выражается в условиях (правда, немногочисленных) параллельного контекстного употребления в русском тексте романа отрицательных прилагательных *должен* и *обязан*. В тексте перевода им соответствуют испанский глагол *deber* и глагольно-именное сочетание *estar obligado a* («быть обязанным сделать что-л.»). Ср.: «Разница единственно в том, что я вовсе не настаиваю, чтобы необыкновенные люди непременно *должны и обязаны были творить* всегда всякие *бесчинства*, как вы говорите. Мне кажется даже, что такую статью и в печать бы не пропустили» (с. 276) – «La única diferencia está en que yo no sostengo que las personas extraordinarias deben irremisiblemente cometer toda suerte de excesos o *están obligadas a hacerlo*, como dice usted. Además, dudo que se permitiese la publicación de un artículo que dijera eso» (p. 334).

Значение 'иметь потребность в выполнении действия': «Солнцу прежде всего *надо* быть солнцем» (с. 492) – «Ante todo y sobre todo, el sol *tiene que ser* sol» (р. 583); «Впрочем, чтобы беспристрастно судить о некоторых людях, *нужно* заранее *отказаться* от иных предвзятых взглядов и от обыденной привычки к обыкновенно окружающим нас людям и предметам» (с. 505) – «Pero para juzgar con imparcialidad de ciertas gentes *hay que prescindir* primero de ciertos prejuicios y de nuestra actitud habitual ante las personas y cosas que nos rodean» (р. 600).

Специфические же особенности в функционировании модальных экспликаторов необходимости связаны, прежде всего, с более широким набором периферийных лексических конститuentов рассматриваемого микрополя в испанском тексте романа, что в свою очередь создает возможность для их более широких синонимических отношений.

Микрополе желательности в оригинальном тексте романа «Преступление и наказание» представлено собственно модальными глаголами *хотеть* (а также его безличными формами *хочется, хотелось*), *желать*, *стараться*, *стремиться*, *намереваться*, *пытаться*, несобственно модальным глаголом *мечтать*, глагольно-именными сочетаниями *иметь желание*, *иметь намерение*, *иметь стремление*, *изъявить желание*, *гореть желанием*, *проявить желание*, *чувствовать желание*, отрицательным прилагательным *намерен*. В тексте испанского перевода в качестве их эквивалентов выступают собственно модальные глаголы *querer* 'хотеть сделать что-л.', *desear* 'желать сделать что-л.', *ansiar* 'жаждать сделать что-л.', *procurar* 'стараться, усердствовать сделать что-л.', *tratar* 'стараться сделать что-л.', *intentar* 'намереваться сделать что-л.', предикативные сочетания *tener ganas* 'хотеть чего-либо, сделать что-л.', *dar la gana* 'очень хотеть, иметь большое желание сделать что-л.', *llevar (tener) intención* 'намереваться сделать что-л.', *sentir deseo* 'чувствовать желание сделать что-л.', *sentir gana* 'чувствовать желание сделать что-л.'.

Центральными (ядерными) конститuentами рассматриваемого микрополя являются в русском тексте романа собственно модальный глагол *хотеть* (а также его безличные формы *хочется, хотелось*), а в тексте перевода собственно модальный глагол *querer*.

Обладая емкостью и прозрачностью модальной семантики, стилистической нейтральностью, они характеризуются высокой частотностью соответствующего модального функционирования. Ср.: «Я только *хотел послужить* вам и вашей мамаше своим советом, ввиду его новых и несомненно предстоящих попыток» (с. 318) – «Yo sólo *he querido ayudar* con mi consejo a usted y a su madre, en vista de

los nuevos esfuerzos que indudablemente hará por verla a usted» (p. 383); «Я *хочу* к нему *сходить* сейчас и узнать, что он под этим разумеет» (с. 474) – «*Quiero ir a verle cuanto antes y a enterarme de qué quiere decir con eso*» (p. 562); Письмо дрожало в руках его; он *не хотел распечатывать* при ней: ему *хотелось остаться* наедине с этим письмом. Когда Настасья вышла, он быстро поднес его к губам и поцеловал...» (с. 35) – «La carta le temblaba en las manos. No *quería abrirla* delante de ella. Con esa carta *quería quedarse* a solas. Cuando salió Nastasya, se la llevó súbitamente a los labios y la besó» (p. 53).

В **четвертом параграфе** рассматриваются особенности соотносительности эксплицитных и имплицитных средств выражения значений ситуативной модальности в оригинальном и переводном текстах романа «Преступлении и наказание».

Следует отметить, что проблема соотносительности эксплицитных и имплицитных способов выражения модальных значений получила определенное отражение в ряде исследований, однако в них она рассматривается в основном применительно к русскому языку (Ваулина, 2001, 2006; Федорова, 2000; Колобкова 2008) или к другим конкретным языкам. Сопоставительное же исследование данной проблемы содержится лишь в единичных работах (Москалева 1988; Островерхая 2008). Между тем рассмотрение вопроса о характере соотносительности эксплицитных и имплицитных способов выражения модальных смыслов в различных языках представляется актуальным, поскольку, во-первых, даст возможность установления более полной картины средств актуализации значений модальности как универсальной категории, а, во-вторых, позволяет выявить внутриязыковую, национальную специфику в выражении данной категории.

Проведенный анализ показал, что имплицитные (безмодификаторные) средства выражения модальности, к которым мы, вслед за учеными, относим элементы грамматического контекста (отдельные группы глаголов в форме изъявительного наклонения, конструкции с независимым инфинитивом, риторические вопросы и др.), в большей степени характерны для реализации значений ситуативной модальности в русском тексте рассматриваемого романа.

Ср., например: «Тридцать копеек вынесла, своими руками, последние, все что было, *сам видел*... (= *мог видеть*. – М.Л.)» (с. 26) – «Me dio treinta kopeks con sus propias manos, el último dinero que le quedaba, como yo mismo *pude ver*... » (p. 42); «Ну-с, так я вас *не задерживаю* (= *не хочу/не смею задерживать*. – М.Л.), – обратился он опять к артельщику, – угодно вам разъяснить вашу надобность? Заметь себе, Родя, из ихней конторы уж второй раз приходят» (с. 129) – «Bien, no *quiero detenerle más* – dijo, volviéndose al visitante –. ¿Le importaría explicar el

asunto que le trae? Conviene que sepas, Rodya, que ésta es la segunda vez que viene de esa oficina» (p. 163); «Я же сама была в отчаянии, но *что было делать?* (= что можно было делать? – ничего нельзя было делать. – М.Л.); Чем объясняю? Да чего тут *объяснять* (= не следует объяснять. – М.Л.): дело ясное!» (с. 153) – «¿Que cómo lo explico? Pero ¿qué *hay* que *explicar*? La cosa está clara. » (p. 190); «К чему такие пустые вопросы? Как может случиться, чтоб это от моего решения зависло? И кто меня тут судьей поставил: кому *жить*, кому *не жить*? (= *следует жить*, *не следует жить*. – М.В.)» (с. 436) – «¿A qué vienen esas preguntas inútiles? ¿Cómo podría semejante cosa depender de mi decisión? ¿Y quién me ha hecho juez para *resolver* quién *debe* o *no debe vivir*?» (p. 518).

Случаи имплицитного способа выражения указанных значений в тексте испанского перевода немногочисленны и зафиксированы нами в основном при реализации значения модального значения возможности. Ср.: «Старичок не ответил и долго не *мог понять*, о чем его спрашивают, хотя соседи для смеху даже стали его расталкивать» (с. 412) – «El viejo no respondió y durante algún tiempo no *entendió* lo que se le preguntaba, aunque sus vecinos de mesa le hostigaban por pura diversión» (p. 489) (Старик не отвечал и в течение какого-то времени *не понимал*, о чем его спрашивали, хотя его соседи по столу его стегали из-за чистого развлечения – перевод наш. – М.Л.).

В заключении излагаются основные результаты исследования.

Ситуативная модальность, характеризуясь полифункциональностью, заключающейся в наличии пропозициональной (номинативной) функции, которая реализуется на уровне языка в рамках высказывания, коммуникативной (прагматической) функции, которая направлена на выявление целевой установки речи, а также субъективно-оценочной функции, которая отчетливо выступает на уровне текста, является важным структурно-содержательным компонентом функционально-семантической категории модальности.

Реализуясь в значениях возможности, необходимости и желательности, имеющих свои собственные средства выражения и образующих соответствующие функционально-семантические микрополя, ситуативная модальность отражает через их посредство диалектически сложный и многообразный характер отношений содержания высказывания с внеязыковой действительностью с точки зрения ситуации возможности, необходимости или желательности этих отношений и тем самым конкретизирует, семантически «расшифровывает» ядро функционально-семантической категории модальности – объективную модальность.

Предпринятый нами функционально-семантический анализ ситуативной модальности при ее реализации в русском тексте романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и в его испаноязычном переводе позволяет сделать ряд обобщений и выводов.

План выражения ситуативной модальности в русском и испанском языках имеет типологическую основу, обусловленную универсальным характером функционально-семантической категории модальности, а также генетическим родством рассматриваемых языков.

В оригинальном тексте романа «Преступление и наказание» и в тексте его испаноязычного перевода план выражения ситуативной модальности представлен системой разноуровневых средств организованных по полювому принципу типа «центр – периферия».

При этом общим для микрополей ситуативной модальности в русском тексте романа и в тексте его перевода является то, что ядерную, центральную зону и значительную часть периферии занимают лексические модификаторы (модальные глаголы и предикативы), функционирующие в составе специализированных сочетаний с зависимым субъектным инфинитивом. Так, ядерную часть рассматриваемых микрополей занимают собственно модальные модификаторы, характеризующиеся модальной емкостью, стилистической немаркированностью и высокой степенью частотности. В микрополе возможности это модальные глаголы *мочь* и *poder*, в микрополе желательности – модальные глаголы *хотеть* и *querer*. В микрополе необходимости, особенностью которого является его полицентричность, ядерная часть представлена в русском тексте романа модальным предикативом *надо* и отпричастным прилагательным *должен*, а в тексте испанского перевода преимущественно модальными глаголами *deber*, *tener que*, *haber que*.

К общим чертам относится и то, что периферия рассматриваемых микрополей в обоих языках содержит широкий набор собственно модальных и несобственно модальных глаголов и предикативов, а также глагольно-именных сочетаний, эксплицирующих конкретные частные значения ситуативной модальности.

Вместе с тем типологическая основа структуры микрополей ситуативной модальности не исключает наличия внутриязыковых особенностей в выражении ее составных значений, обусловленных в первую очередь спецификой исторического развития грамматического строя и семантической системы рассматриваемых языков.

К числу таких особенностей относится прежде всего количественное различие в наборе периферийных экспликатов значений ситуативной модальности в отдельных микрополях ситуативной модальности. Так, периферия микрополя возможности в русском тексте романа (и это непосредственно связано с историей его формирования в русском языке) имеет более широкий набор экспликатов, чем в испанском тексте. При этом в качестве эквивалента периферийных средств выражения возможности в оригинальном тексте романа выступает ядерный испанский глагол *poder*. В свою очередь периферия микрополя необходимости характеризуется более широким набором лексических конstituентов в тексте испанского перевода. В этом случае расширяется сфера функционирования ядерных модификаторов рассматриваемого микрополя, представленных в русском тексте романа, и прежде всего предикативного наречия *надо*.

К важным индивидуальным особенностям микрополей ситуативной модальности в русском тексте романа и в тексте его испанского перевода относится различие в функционировании имплицитных (невербальных) средств, способных актуализировать модальную семантику ситуации.

Так, анализ показал, что имплицитные (безмодификаторные) способы выражения модальности: отдельные группы глаголов в форме изъявительного наклонения, конструкции с независимым инфинитивом, риторические вопросы и др., – в большей степени характерны для реализации значений ситуативной модальности в русском тексте рассматриваемого романа. Случаи имплицитного способа выражения указанных значений в тексте испанского перевода немногочисленны и зафиксированы нами в основном при реализации модального значения возможности.

С учетом результатов подобных наблюдений, сделанных исследователями применительно к русскому и отдельным германским языкам, можно, как нам кажется, сделать предварительные выводы относительно существования тенденции к имплицитности при выражении модальных значений в русском языке по сравнению с другими индоевропейскими языками, предпочитающими в целом ряде случаев эксплицитное выражение соответствующих модальных смыслов, и это может служить наглядным примером национальной специфики русского языка.

Ситуативная модальность, участвуя наряду с объективной модальностью в формировании номинативного аспекта предложения, при функционировании в художественном тексте теряет свою объективную «направленность» и приобретает субъективно-оценочный характер, что весьма отчетливо прослеживается

как в русском тексте романа «Преступление и наказание», так и в тексте его испанского перевода. Данная особенность выражается прежде всего в том, что в обоих текстах план содержания микрополей возможности и необходимости составляют преимущественно субъективные и объективно-субъективные значения, адекватно реализующиеся с помощью модальных экспликаторов с ярко выраженной семой субъективности. Что же касается микрополя желательности, то ее значения, отличаясь от других значений ситуативной модальности (возможности и необходимости) повышенной «психологичностью», органично «вписываются» в общую содержательную и смысловую парадигму художественного текста, характеризующегося, как известно, особой антропоцентричностью.

Важным отличительным признаком ситуативной модальности является проницаемость ее микрополей, диффузность их границ, что достаточно наглядно проявляется в случаях совмещения отдельных значений ситуативной модальности и средств их выражения как в русском, так в переводном тексте рассматриваемого романа. Так, применительно к микрополю возможности такой полифункциональностью характеризуется предикативное наречие *надо*, в ряде случаев принимающее на себя функцию экспликатора совмещенного значения необходимости/желательности, и их испанские эквиваленты – собственно модальный глагол *querer* («хотеть») и несобственно модальный глагол *buscar* («искать»). Подобные примеры наблюдаются также при выражении совмещенного значения возможности/желательности посредством предикативного прилагательного *готов*, испанским эквивалентом которого является глагольно-именное сочетание *estar dispuesto* («быть готовым»). Ярким свидетельством взаимосвязанности и проницаемости рассматриваемых микрополей могут служить испанские глаголы *caber* и *querer*, зафиксированные при выражении значений микрополей возможности и желательности.

Основные положения диссертации отражены в шести публикациях автора общим объемом 3,0 п. л.:

1. Лопатюк М.В. Средства выражения модального значения необходимости в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и в его испанском переводе // Семантические процессы в языке и речи: сб. науч. тр. аспирантов. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2007. – С. 65 – 72.

2. Лопатюк М.В. Средства выражения модального значения желательности в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и в его испанском пере-

воде // Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению: сб. науч. тр. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. – С. 341 – 349.

3. Лопатюк М.В. Русский глагол *мочь* и испанский глагол *poder* как ядерные средства выражения модального значения возможности (на материале романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и его испанского перевода) // Семантические процессы в языке и речи: сб. науч. тр. аспирантов. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. – С. 89 – 96.

4. Лопатюк М.В. Лексические экспликатеры модального значения необходимости в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и в его испанском переводе (к вопросу о межъязыковой эквивалентности) // Актуальные проблемы германистики и романистики: сб. науч. ст. – Смоленск: Изд-во Смоленского ун-та, 2008. – С. 113 – 120.

5. Ваулина С.С., Лопатюк М.В. Средства выражения модального значения возможности в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и в его испанском переводе // Языковая семантика и образ мира: матер. Междунар. науч. конф. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2008. – С. 83 – 86.

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, включенных
в перечень ВАК:

6. Лопатюк М.В. Соотнесенность эксплицитных и имплицитных способов выражения модального значения возможности в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и в его испанском переводе // Вестник Волгоградского университета. Сер. 2. Языкознание. № 1(9). – Волгоград, 2009. – С. 135 – 139.

Лопатюк Максим Владимирович

Ситуативная модальность в романе
Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»
и в его испаноязычном переводе
(функционально-семантический анализ)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано в печать 11.08.2009 г.

Ризограф. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 1,5

Уч.-изд. 1,2 л. Тираж 90 экз. Заказ 188

Издательство Российского государственного университета им. И. Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14

